

РАЗНООБРАЗИЕ ГРАЖДАНСКИХ ОБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Шмуэль Эйзенштадт

Мировой форум в Ярославле, который будет проведен в сентябре 2010 года, будет включать в себя четыре дискуссионные панели. Одна из этих панелей посвящена рассмотрению проблемы **многообразия демократического опыта**, опыта, отличающегося у разных государств по причине различных географических и социальных условий своего развития.

Одним из социологов, приложивших значительные усилия к распутыванию гордиева узла проблем перехода к демократии обществ разных типов, является израильский социолог **Шмуэль Эйзенштадт**, чья академическая карьера прошла в стенах Еврейского университета в Иерусалиме.

Вопреки классической теории модернизации, предполагающей имманентно присущее всем обществам движение к однообразной современности, Эйзенштадт отстаивал и отстаивает тезис о современности как особом типе цивилизации, возникшей в Европе и распространившейся по всему миру. По мере того как западные паттерны модернизации инкорпорируются в различные общества, они, согласно Эйзенштадту, сталкиваются с укрепившимися в этих социумах констелляциями символических и институциональных предпосылок. В результате возникают уникальные цивилизационные комплексы, когда ценности современности преломляются сквозь местные традиции. Благодаря этому в мире возникает то, что Эйзенштадт называет «разнообразными современностями».

«Разнообразные современности» оформляются в «разнообразные демократии». Возникает вопрос, обладает ли гражданское общество в каждом конкретном демократическом государстве своими собственными чертами? И какие черты универсально присущи каждому гражданскому обществу? А может ли быть так, что гражданское общество демократического государства в силу своей непохожести на некий принятый международным сообществом канон, не будет признано таковым?

Разнообразие демократического опыта допускает и разнообразие форм, который этот опыт порождает. Возможно, что этот вопрос будет поднят в ходе заседаний, которым предстоит протекать в ходе мирового форума **«Современное государство. Развитие демократии и критерии эффективности»**.

Шмуэль Эйзенштадт — израильский социолог, профессор социологии Еврейского университета в Иерусалиме, почетный профессор Гарвардского университета и Лондонской школы экономики, член Американской академии науки и искусства и Израильской академии наук.

Шмуэль Эйзенштадт — один из основоположников сравнительного анализа цивилизаций. Широкую известность получила его концепция «цивилизаций осевого времени». «Осевое время» характеризуется революционным прорывом, произошедшим практически во всех важных культурах в первом тысячелетии до нашей эры. Ученый также известен своим изучением современности. Эйзенштадт отстаивает тезис о современности как особом типе цивилизации, возникшей в Европе и распространившейся по всему миру.

I

В ходе недавней дискуссии, которая подчеркнула значение как государства, так и мировых финансовых структур и сил, проявилось относительное пренебрежение к проблематике *гражданского общества*, тому феномену, который тем не менее имеет решающее значение для понимания динамики развития современных социумов.

На эту динамику оказывает большое влияние процесс кристаллизации новых моделей отношений между идеологическими направлениями, типами режимов, социальными сферами и гражданским обществом. Эти нововведения были тесно связаны с новыми — в некоторой степени альтернативными — идеологическими направлениями и концепциями гражданского общества и его

отношений с государством. Согласно одной из таких концепций, **концепции неолиберальной**, которую отстаивали многие агентства по оказанию помощи и стимулированию развития, в особенности НПО, — прежде всего в странах Восточной Европы, Азии и Африки, — **гражданское общество составляет автономный онтологический организм, который находится в столкновении с другим подобным организмом — с государством** и, возможно, также с рынком; при этом неизбежен конфликт между активно развивающимся гражданским обществом и сильным государством, иными словами, цветущее и живое гражданское общество может развиваться только в слабом государстве, которое, скорее всего, не станет угрожать автономии гражданского общества.

В этой концепции гражданского общества активность власти должна быть минимизирована, чтобы создавать широкие возможности для независимых групп населения, а рыночная экономика, в свою очередь, должна поддерживать развитие этого сегмента общества.

В противовес неолиберальным, крайне индивидуалистическим, концепциям гражданского общества различные движения в Европе и США, а также коммунарные идеологии Европы, США и Латинской Америки выдвинули другую — **«коллективистскую» концепцию**. Согласно ей, общественная сфера представляет собой арену, на которой обнародуются общие концепции об общем же благе и где государство выступает в качестве главной сцены, на которой эти концепции должны быть воплощены. В этом случае гражданское общество в основном осмысливается как определенная модель управления властью. В центре модели — комбинация самоуправления ключевыми социальными секторами, ассоциациями, движениями и политическими группами с их автономным доступом к главным институциональным, а не только политическим и экономическим сферам, с их участием в установлении правил и управлении конфликтами в этих сферах.

Однако четкие контуры гражданского общества такого типа в различных плюралистических обществах могут очень сильно не совпадать.

Например, гражданское общество в Индии, основанное на понятии взаимности, на представлении об обязанностях групп, отличается от Европы, где оно держится на понятии индивидуальных прав. Еще одна параллельная, но внятная концепция такого гражданского общества получила развитие в некоторых африканских странах, где отношения между общественной и политической сферами держатся на «более старых» коммунальных (племенных) понятиях ответственности и участия в жизни общины.

Во всех этих случаях успешная кристаллизация гражданского общества такого рода очень сильно зависит от степени ее укорененности в собственных национальных представлениях и от того, насколько оно не навязывается извне, как это часто пытаются делать многие НПО. Такое навязывание может оказать очень губительный эффект на экономическое развитие, подорвать политическую стабильность и модели гражданственности, привести к утверждению новых клиентелистских отношений между определенными силами и социальными группами, которым эти силы оказывают поддержку и в которые они кооптируют в себя.

Такие губительные последствия были минимизированы или получили отпор в таких случаях, как, например, в некоторых секторах индийского общества, когда внедрение новой экономической политики приводило к конфронтации с более старыми и заново реконструированными структурами и сетевыми сообществами.

II

Кроме такого рода изменений в структуре плюралистических режимов, в современном мире выкристаллизовались (прежде всего, на Ближнем Востоке и в некоторой степени в Латинской Америке) различные модели *нелиберальных* (хотя и не обязательно антилиберальные) *гражданских обществ*, модели отношений между идеологическими направлениями, типы режимов и общественные сферы гражданского общества. Общим для всех них стала кристаллизация глубоко фрагментированного гражданского общества, которое самоустраняется из активного участия в политике по причине разобщенности умов, особенно от политики «электоральной», но в то же время остается очень влиятельным на политической арене. Ярким примером такого рода парадоксального самоустранения можно считать различные исламистские движения.

Все эти изменения свидетельствуют о необходимости систематического анализа различных моделей общественных сфер и гражданского общества в современных условиях. ■

Специально для РЖ